

КРИТИКИ ИЛИ ОПЕКУНЫ: К ДИСКУССИИ О ПОЛОЖЕНИИ РЕЛИГИОВЕДА В ОБЩЕСТВЕ

К. А. Колкунова
(Москва, Россия)

В моем представлении тема «Человек и религия» относится в первую очередь к небольшой, но крайне интересной и многообразной социальной группе, а именно — исследователям религии. Социология религиоведения — интересная дисциплина, которая, увы, еще не была создана. Существуют лишь несколько попыток предложить для нее эмпирический материал, да призывы по ее созданию. Причем такая ситуация характерна не только для постсоветского пространства, где развитие религиоведения было сопряжено с определенными идеологическими влияниями, но и на Западе, где эта наука относительно успешно развивается вот уже полторы сотни лет. Одним из вопросов, которые могла бы изучать социология религиоведения, является следующий: какова роль религиоведов в обществе?

Для Америки переломным моментом стали события 9 сентября 2001 г.: расширился религиозный дискурс, понадобилось говорить и об исламе, и о том, как религия помогает справиться с горем. Отсюда — осознание религиоведами значимости своей роли как публичного интеллектуала¹. Закономерно, что именно защитники позиции религиоведа как публичного интеллектуала выпускают книги о терроризме².

Потребность в наличии религиоведа в общественном дискурсе актуализирует вопрос о характере его отношения к религии. Должен ли религиовед выступать нейтрально, с секулярных позиций? Или возможна его конфессиональная ангажированность? Должен ли он объяснять религиозные явления, сводя их к социальной, экономической, политической, психической природе? Или должен лишь описывать, фиксировать религиозную реальность, не пытаясь ответить на вопрос «почему», должна ли для него религия оставаться объектом *sui generis*? Все это связывает спор о положении религиоведа с давно ведущимися западными учеными дискуссиями о природе и определении религии, а также с критикой феноменологического подхода и критикой антиредукционизма.

¹ См. : Tite, P. Sacred Violence and the Scholar of Religion as Public Intellectual // Religion, Terror and Violence : Religious Studies Perspectives. Philip Tite, Brian Rennie, eds. — New York/London : Routledge, 2008. — P. 3–10.

² См. : Mc Cutcheon, R. Religion and the domestication of dissent: or, how to live in a less than perfect nation. London : Equinox Press, 2005; Lincoln, B. Holy terrors : thinking about religion after September 11. — Chicago : Chicago University Press, 2002.

Дискуссии ведутся в рамках оппозиции «критик или опекун». Этими словами мы переводим выражения *critics or caretakers*, которые в широком употреблении ввел Рассел Маккатчеон. Сам он говорит, что за подобную постановку вопроса стоит благодарить Бертону Мэка, который еще в 1989 г. выступил с докладом на тему «Опекуны или критики: о социальной роли ученых, изучающих религию» на семинаре «Религия в обществе» Уэслианского университета.

Фактически Маккатчеон предлагает переключить внимание с обсуждения секуляризации и десекуляризации, секулярного и постсекулярного (т. е. с вопроса «какова роль религии в общественной жизни?») к вопросу «Какова, или какой может быть, роль религиоведа в общественной жизни?»³.

Рассел Маккатчеон известен не только своей книгой о роли религиоведа в публичном пространстве, но и яростной критикой концепций религии как явления *suī generis*, а также критикой феноменологии и герменевтики как религиоведческих подходов. В частности, противопоставление сакрального и профанного (обычно связываемое с именем Мирчи Элиаде) данный автор считает влекущим за собой приписывание религии роли жертвы таких «профанных» сфер человеческой жизни, как экономика и политика⁴. Приводимые Р. Маккатчеоном примеры убеждают, что действительно, феноменологи религии ориентированы на представление религии в своих работах как автономной силы, что позволяет им заключать о необходимости правовой, социальной и, тем самым, публичной власти религиозных организаций, которая может служить спасению властей секулярных. Косвенно это подтверждает и его оппонент Дональд Вие: AAR, Американская Академия Религии, является организацией, наследующей NABI, Национальной Академии Преподавателей Библии, и президенты AAR неоднократно в своих обращениях говорят о значении личной религиозной ангажированности для исследования⁵.

Заботиться о должном месте религии или разъяснять ее нормативные положения и претендующие на общезначимость ценности — значит для Маккатчеона быть «опекуном» религии (*caretaker*), и именно таким свое место и задачи видят, с его точки зрения, большинство молодых и не очень религиоведов.

Исследователи религии должны избегать комментариев о том, каким должен быть мир, но объяснять, «почему и как все происходит так, как оно

³ Mc Cutcheon, R. A default of critical intelligence? The scholar of religion as public intellectual // Journal of the American Academy of Religion . — Vol.66. — 1997. — P. 444.

⁴ Ibid. — P. 449.

⁵ См. : Wiebe, D. The Politics of Wishful Thinking? Disentangling the Role of the Scholar-Scientist from that of the Public Intellectual in the Modern Academic Study of Religion // Temenos : Nordic Journal of Comparative Religion. — Vol. 41/1. — P. 15–17.

происходит» (how and why it happens to work as it does)⁶. Опекун, в свою очередь, учит людей жить и достигать счастья⁷. Р. Маккатчеон делится двумя наблюдениями: большинство студентов-религиоведов считают, что их задача — «воспроизводить» религию «как она есть», также для них характерна убежденность, что изучение религии приведет человечество к личному и социальному росту⁸.

Студент-религиовед из США Келли О'Рили пишет: «Меня оттолкнуло в работе Маккатчеона то, как он бросил вызов моему бесспорному и неосознанному убеждению, что любой (и я в т. ч.) имеет право и возможность улучшать жизнь другим людям, передавая им знания о религиях мира»⁹. Прочтение книги «Критики, а не опекуны» привело студента чуть ли ни к готовности бросить религиоведение, поскольку усмирить в себе «опекуна» — крайне непростая задача.

Фактически вопрос, который мы решаем — кто такой правильный ученый? Чем он занимается? Каковы его методологические и теоретические установки? Филип Тайт считает, что, несмотря на его принципиальное согласие с позицией Маккатчеона, остается открытым вопрос, обладает ли он сам какой-то властью или правом определять «правильное» поведение для ученого¹⁰. Более того, Тайт обращает наше внимание на то, что каждое поколение ученых (религиоведов или любых других ученых из сферы социальных и гуманитарных наук) задает собственные цели и правила, что позволяет сравнить науку с игрой. Чтобы игра была успешна, нам нужны критерии этого успеха, а именно: необходимо провести ее границы и сформулировать правила поведения. Именно поэтому, из-за изменяющихся наборов правил, каждые пятьдесят лет происходит переосмысление наследия предшественников, отбрасывание их теорий и достижений. Каждое поколение ученых определяет для себя, что значит «быть академичным», создавая, как это называет Тайт, «нарративные карты»¹¹, которые «мы» используем, оспариваем и преумножаем, тем самым убеждаясь, что существует то самое сообщество «нас».

⁶ Mc Cutcheon, R. *Critics, Not Caretakers : Redescribing the Public Study of Religion*. — Albany, NY : SUNY Press, 2001. — P. 135.

⁷ Ibid. — P. 139.

⁸ См. : McCutcheon R. *Critics, Not Caretakers : Redescribing the Public Study of Religion*. — P. 447, 449.

⁹ O'Riley, K. *Russell McCutcheon and the Role of the Scholar in Religion* (Paper given at the 2011 Georgia State University Religious Studies Student Symposium) // URL : <http://ru.scribd.com/doc/52306887/Russell-McCutcheon-and-the-Role-of-the-Scholar-if-Religion>.

¹⁰ См. : Tite P. *Critics or Caretakers? It's All in the Mapping* // URL : <https://www.equinoxpub.com/blog/2013/01/critics-or-caretakers-its-all-in-the-mapping/>

¹¹ Ibid.

Если принять точку зрения Маккатчеона, изменится задача преподавателя религиоведения: мы должны воспитывать не «хороших людей» или «достойных граждан», но самостоятельных мыслителей, которые смогут, используя навыки критического мышления, стать учеными¹². Если бы нашей задачей было воспитание «достойных людей», мы должны были бы транслировать как раз общие истины, метанарративы, описания реальности. Но студенты должны научиться не понимать и принимать, а объяснять и осмыслять¹³. Нужно не давать студентам рыбу, но дать им удочку.

Дональд Вибе критикует эту позицию, утверждая, что задачей религиоведения (и религиоведов) является продуцирование научного знания, а не трансформация, пусть и в лучшую сторону, общества. Популярность темы «религиоведа как публичного интеллектуала»¹⁴ он считает давлением на религиоведов; эта популярность подрывает академическую надежность этой дисциплины¹⁵. Кроме того, Вибе указывает, что Маккатчеон не первый выступающий в этом духе. Он приводит пример Уильяма Дина, который в 1994 г. призвал религиоведов выступить в роли религиозных экспертов. С точки зрения Вибе, «религиозный критик» Дина неотличим от «критика религии», разумеется, не идеологически, но концептуально. Концепция Р. Маккатчеона также идеологизирована, как и концепция У. Дина. Дональд Вибе фактически обвиняет первого в его атеистической ангажированности и навязывании религиоведению задачи по «развенчанию» религии, критического ее переосмысления, которая должна объяснить основы религии и тем самым редуцировать ее. Как пишет Вибе, «критики» Маккатчеона — те же опекуны, но опекают они не религию, а общество, защищая его секулярные основы¹⁶.

При этом Д. Вибе не отрицает, что религиовед может выступать в публичном пространстве в качестве эксперта. Хотя роль его не такова, какой ее представляет Маккатчеон: «Скорее он/она в качестве ученого ограничит себя задачами описания и объяснения того, какую роль религиозные пережи-

¹² См. : McCutcheon R. Critics, Not Caretakers: Redescribing the Public Study of Religion. — P. 66, 170.

¹³ Ibid. — P. 217.

¹⁴ Помимо работ Р. Маккатчеона, см. Rothstein M., Jensen T. Secular Theories on Religion : Current Perspectives. — Copenhagen : Museum Tusulanum Press, 2000, посвященную проблематизации возможности секулярного религиоведения с отдельным акцентом на возможности участия религиоведов в публичной сфере.

¹⁵ См. : Wiebe, D. The Politics of Wishful Thinking? Disentangling the Role of the Scholar-Scientist from that of the Public Intellectual in the Modern Academic Study of Religion. — P. 8.

¹⁶ Ibid. — P. 27.

вания и убеждения играют в общественной жизни»¹⁷. Связана такая скромная роль, в частности, с тем фактом, что необходимость быть публичным интеллектуалом излишне политизирует религиоведов и размывает их сферу интересов. Впрочем, сам Маккатчон утверждает, что он против того, чтобы религиовед «становился политиком»¹⁸.

В Америке все громче звучат призывы к тому, чтобы академические круги не были в стороне от роста веры и усиления ее влияния на социальную, политическую, интеллектуальную, экономическую жизнь и должны быть о теологии. В России — создаются факультеты и кафедры теологии в самых разных светских вузах, в Уголовном кодексе появляются статьи абсолютно религиозного толка.

Мы — представители крайне замкнутой касты, которая едва ли знакома чуть более широким кругам общества. Тому подавно, мы не обладаем авторитетом. О религии говорят другие эксперты. Примером тому может быть огромный успех книги архимандрита Тихона «Несвятые святые и другие рассказы»¹⁹. Популярность книг о религиозном возрождении должна привлечь внимание религиоведов, поскольку такие книги «являются свидетельством того, что мы как публичные интеллектуалы провалились»²⁰. Почему-то религиоведческие книги не только не попадают в топ, но и вообще не фигурируют в списках новинок.

Споры о роли религиоведа в обществе могут показаться далекими и малопонятными. На постсоветском пространстве практически не развит институт «публичных интеллектуалов». Люди, занимающиеся наукой, в особенности такой, как религиоведение, «рассеяны» по разнообразным учреждениям, в первую очередь высшим учебным заведениям, и не обладают чаще всего ресурсами и навыками для участия в публичных дискуссиях. Но есть ли у них квалификация? Есть ли у них — нас — желание стать критиками или опекунами?

¹⁷ Ibid. — P. 26.

¹⁸ Mc Cutcheon, R. A default of critical intelligence? The scholar of religion as public intellectual. — P. 457.

¹⁹ Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. — М. : Изд-во Сретенского монастыря; «ОЛМА Медиа Групп», 2011. — 640 с.

²⁰ Mc Cutcheon, R. A default of critical intelligence? The scholar of religion as public intellectual. — P. 444.